

И. Е. Суриков

ИСТОРИК В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА КОРИНФА В ТРУДЕ ГЕРОДОТА*

«Историк в изменяющемся мире» – такой заголовок на первый взгляд кажется более подходящим для работы о современной историографии или историографии современности. Однако это не более чем распространенная аберрация. Мир, конечно, изменялся всегда, а в отдельные периоды изменялся особенно бурно и интенсивно. Подобные переломные моменты, пусть и занимающие сравнительно ничтожный (по историческим меркам) хронологический отрезок, значат для цивилизации подчас больше, нежели целые столетия «спокойного» развития. Вполне закономерен поэтому обостренный интерес ученых именно к таким «судьбоносным» эпохам.

К ним в полной мере следует отнести и эпоху Пентеконтаэтии, на которую пришлось творческая деятельность Геродота. Грандиозные изменения, происшедшие на протяжении «великого пятидесятилетия» как во внешне-, так и во внутривосточной жизни эллинских полисов, сочетались с принципиально новыми явлениями в сфере общественной мысли. Почти внезапно возник, выковавшись прежде всего в Афинах, невиданный ранее дискурс, подчеркнута демократический и вместе с тем империалистический¹.

Интересно, что в такие периоды эволюция в мировоззрении происходит настолько быстро, что это заметно, так сказать, «невооруженным глазом». Сознание многих людей не может приспособиться к резко возросшему темпу перемен, и возникает проблема «отцов и детей», когда представители разных поколений попросту не могут понять друг друга, поскольку придерживаются совершенно разных систем ценностей. Критика Геродота Фукидидом² отчасти должна быть воспринимается именно в данном контексте. Второй великий древнегреческий историк, отделенный от первого как раз одним поколением, в юности, по некоторым сведениям, восхищался его трудом (Marcellin. Vita Thuc. 54; Suid. s.v. Φουκιδίδης), но впоследствии выработал к нему значительно более критичное отношение, стал адептом совсем иных исследовательских методик.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 07-01-00050а «Геродот и Фукидид: зарождение исторической мысли в Древней Греции и специфика античного историзма».

¹ См. анализ этого ментального процесса в кн.: *Farrar C. The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens.* Cambr., 1989.

² О ней см. *Суриков И.Е. ЛОГОГРАФОΙ* в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. № 2. С. 25–37; *Bringmann K. Herodot und Thukydides: Geschichte und Geschichtsschreibung im 5. Jahrhundert v.Chr.* // *Historie und Leben: Der Historiker als Wissenschaftler und Zeitgenosse.* München, 2006. S. 3–14.

Историки, разумеется, не могли стоять в стороне от происходивших процессов. Тот же Геродот, родившийся в Галикарнассе, но связавший свою судьбу преимущественно с Афинами (вначале Кимоновыми, а затем Перикловыми), находился в самой гуще как политической, так и духовной жизни классической Греции. Он стал одним из основоположников появившихся в это время концепций общего характера, например концепции противостояния «эллинского» и «варварского» миров, Европы и Азии как главного содержания мировой истории. Именно у Геродота мы впервые в нарративной традиции встречаем слово «демократия»³.

Ранее в серии статей, посвященных «Отцу истории», нам уже приходилось останавливаться на некоторых аспектах его вклада в интеллектуальное движение своей эпохи⁴. Теперь же хотелось бы затронуть еще одну сторону его творчества, как раз тесно связанную с пресловутой проблемой «ускорения перемен».

Геродот работал над своим трудом долго, несколько десятилетий. Уже к середине 440-х годов до н.э. сочинение было отчасти написано, и автор представил на суд публики фрагменты из него, проведя публичное чтение в Афинах. Последние же штрихи в «Историю» были внесены уже в 420-е годы до н.э.⁵ А главное – в том, что именно эти десятилетия характеризовались особенно неустойчивой политической ситуацией. Стройная система афино-спартанского дуализма, нашедшая свое наиболее полное воплощение в условиях Тридцатилетнего мира 446 г. до н.э., практически сразу же дала трещину; поступательное обострение отношений между Пелопоннесским союзом и Афинской архэ привело в конечном счете к развязыванию Пелопоннесской войны.

Все это хорошо известно, нас же интересует другое: нашел ли колеблющийся внешнеполитический курс Афин какое-либо отражение в геродотовском произведении? Мы ни в коей мере не имеем в виду, что великий историк был «конъюнктурным писателем», подстраивавшимся под интересы той или иной влиятельной силы и дававшим этим интересам идеологическое обоснование. Напротив, для всего труда Геродота характерны максимальная искренность и открытость, отсутствие «задней мысли». Однако, вращаясь в кругах афинского гражданства, галикарнасец почерпывал свои сведения в значительной мере из устных традиций, бытовавших в этой среде⁶,

³ Sealey R. *The Origins of Demokratia* // CSCA. 1973. 6. P. 272 ff.

⁴ См., в частности: Суриков И.Е. Космос – Хаос – История: типы исторического сознания в классической Греции // *Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры*. М., 2007. С. 72–92; *он же*. Геродот и «похищение Европы»: первый грандиозный этноцивилизационный миф в истории Запада // *Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории*. 21. Спец. вып.: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М., 2007. С. 149–160; *он же*. ЛОГОГРАФОΙ...

⁵ В труде Геродота есть ряд упоминаний о событиях первых лет Пелопоннесской войны (VI. 91; VII. 137, 233; IX. 73).

⁶ Тот факт, что главным источником Геродота были устные традиции, ныне признается подавляющим большинством антиковедов. Собственно, у галикарнасца и не было иного выхода: слишком мало на момент его работы имелось в Греции изданных исторических произведений (хотя среди этих последних был, например, такой первоклассный памятник, как труд Гекатея Милетского). В целом к вопросу см. Finley M. *Myth, Memory, and History* // *History and Theory*. 1965. 4. 3. P. 281–302; Balcer J.M. *Herodotus and Bisitun*. Stuttgart, 1987. P. 32 ff.; Evans J.A.S. *Herodotus Explorer of the Past*. Princeton, 1991. P. 89 ff.; Patzek B. *Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Geschichtswerk Herodots* // *Klio*. 2002. 84. 1. S. 7–26; Slings S.R. *Oral Strategies in the Language of Herodotus* // *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden, 2002. P. 53 ff.; Murray O. *Herodotus and Oral History* // *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxf., 2007. P. 16–44.

что – независимо от его желания – не могло не накладывать известного отпечатка⁷.

Сдвиги в настоящем заставляли вносить «поправки» в прошлое, корректировали историческую память, тем более что последняя на древнегреческой почве вообще отличалась актуализмом, ориентированностью на злобу дня⁸. Такого рода «поправки» не могли не проникать и в труд Геродота; отсюда – встречающиеся в нем несогласованности, наличие разных точек зрения на один и тот же предмет. Возможно, в ходе дальнейшей работы над сочинением, если бы она продолжилась, автор выявил бы эти «нестыковки» и ликвидировал бы их. Однако, судя по всему, геродотовская «История» так и осталась незавершенной и была опубликована посмертно⁹ (т.е. ее судьба сложилась так же, как и у «Истории» Фукидида). Тем интереснее становится для нас изучение текста: открываются возможности обнаружить в нем следы разных этапов авторской работы.

Правда, необходимо сразу оговорить: выстроить детальную схему, которая позволила бы ответственно и непротиворечиво установить последовательность и относительную (тем более абсолютную) хронологию написания всех частей произведения Геродота, вряд ли удастся¹⁰. Предпринятая недавно В. Виллем попытка сделать что-то подобное на материале труда Фукидида не показалась нам слишком удачной¹¹, поскольку она в очень уж значительной мере опирается на субъективную интуицию исследователя, многое в его построениях просто произвольно. Поэтому мы, ни в коей мере не ставя перед собой «глобальных», вряд ли в принципе разрешимых задач, займемся сюжетом более конкретным: проанализируем на предмет выявления эволюции взглядов «отца истории» только одну тематическую группу пассажей (впрочем, разбросанных по всему сочинению), а именно ту, в которой приводится информа-

⁷ О влиянии среды, в которой Геродот жил и работал, на его видение прошлого см. *Huber L. Herodot und die politische Propaganda seiner Zeit // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 1969. 18. 4/5. Tl. 1. S. 317–325; Fowler R. Herodotus and his Contemporaries // JHS. 1996. 116. P. 62–87; idem. Herodotos and Athens // Herodotus and his World. Oxf., 2003. P. 305–318; Luraghi N. Local Knowledge in Herodotus' Histories // The Historian's Craft in the Age of Herodotus. Oxf., 2007. P. 138–160.*

⁸ *Суриков И.Е. История в драме – драма в истории: некоторые аспекты исторического сознания в классической Греции // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 371–409.*

⁹ См. очень убедительные соображения по этому вопросу: *Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 1. О поэтах. М., 1997. С. 483–489.* Ср. также указание Птолея Хенна (ар. *Phot. Bibl. cod. 190, p. 148b*), что предисловие (προοίμιον) к первой книге труда Геродота написал его друг и наследник, некий Плесирий из Фессалии. Разумеется, весьма распространена и точка зрения о полной или почти полной завершенности «Истории». Когда-то она была даже преобладающей. См., например: *How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus with Introduction and Appendixes. Oxf., 1989. Vol. 1. P. 16; Jacoby F. Herodotos // RE. Supplbd. 2. Stuttgart, 1913. Sp. 372; Myres J.L. Herodotus Father of History. Oxf., 1953. P. 299.* Но, как нам представляется, эта концепция начинает понемногу становиться достоянием прошлого.

¹⁰ Критический анализ некоторых подобных попыток, уже довольно давних, см. *How, Wells. Op. cit. Vol. 1. P. 9 ff.* Комментаторы предлагают и собственную версию. Однако несостоятельность всех такого рода схем очевидна. Справедливо сказал, оценивая их, Ф. Якоби: «Старый вопрос, написаны ли книги VII–IX раньше или позже, чем книги I–V, для нас исчерпан. В столь грубой форме его вообще не следует ставить» (*Jacoby. Herodotos. Sp. 372*).

¹¹ *Will W. Thukydides und Perikles. Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003. Ср. рец.: Суриков И.Е. // ВДИ. 2006. № 3. С. 214–220.*

ция о Коринфе. Насколько нам известно, в таком ракурсе вопрос в историографии еще не ставился, и специальных работ, посвященных Коринфу и коринфянам у Геродота, не существует.

«Богатый Коринф» на протяжении длительного хронологического промежутка являлся во всех отношениях – политическом, экономическом, культурном – одним из ведущих полисов Балканской Греции. А в период жизни и деятельности Геродота он, безусловно, стоял в греческом мире на третьем месте – непосредственно вслед за двумя тогдашними «сверхдержавами», Афинами и Спартой. Находясь в числе самых влиятельных членов Пелопоннесского союза, Коринф при этом проводил достаточно самостоятельный курс на межгосударственной арене; даже мнение лакедемонян, лидеров симмахии, далеко не всегда имело для коринфян обязательный характер¹².

Во внешней политике коринфского полиса важное место занимали отношения с Афинами, которые всегда оставались неоднозначными и противоречивыми¹³. С одной стороны, у двух городов было более чем достаточно точек пересечения интересов, что порождало соперничество; с другой же – временами появлялись и серьезные стимулы для сближения.

Так, бакхийский Коринф эпохи ранней архаики вряд ли был дружествен Афинам. В Лелантской войне VIII–VII веков до н.э. эти полисы примыкали к разным лагерям: коринфяне поддерживали Халкиду, афиняне – Эретрию¹⁴. А в правление коринфских тиранов Кипселидов ситуация, насколько можно судить, изменилась в лучшую для афино-коринфских отношений сторону. Известно, что Кипселиды породнились с одним из самых авторитетных афинских аристократических родов – Филаидами (Herod. VI. 128). В территориальном споре между афинянами и лесбосцами из-за Сигея Периаандр, приглашенный в качестве посредника-примирителя, вынес решение в пользу Афин (Herod. V. 95). Но и после свержения тирании Коринф довольно долгое время

¹² Ср. *Bolmarcich S. Thucydides 1. 19. 1 and the Peloponnesian League // GRBS. 2005. 45. 1. P. 5–34.*

¹³ Эти отношения (особенно для периода Пентеконтаэтии, который и нам наиболее интересен, поскольку именно на его протяжении создавался труд Геродота) всего подробнее рассмотрены в лучшем на сегодняшний день монографическом исследовании об архаическом и классическом Коринфе: *Salmon J.B. Wealthy Corinth: A History of the City to 338 B.C. Oxf., 1984. P. 257 ff.* (мы работали со стереотипным переизданием 1997 г.). Разумеется, не со всеми конкретными умозаключениями автора можно согласиться полностью. Так, Дж. Сэлмон считает, что начало резкому обострению афино-коринфских отношений положило не вступление Мегар в союз с Афинами ок. 460 г. до н.э. (такова наиболее распространенная точка зрения), а взятие афинянами крепости Навпакт на северном берегу Коринфского залива). По его мнению, это случилось раньше «измены» Мегар. Однако уже после выхода его книги Э. Бадян доказательно продемонстрировал, что захват Навпакта следует датировать временем не раньше 457 г. до н.э. (*Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 163 ff.*). Далее, Сэлмон убежден (и, на наш взгляд, не вполне правомерно), что Тридцатилетний мир 446 г. до н.э. полностью снял все противоречия между Афинами и Коринфом. Соответственно, он изображает взаимоотношения двух полисов на протяжении последующего десятилетия (вплоть до керкирского инцидента во второй половине 430-х годов до н.э.) в несколько более радужном свете по сравнению с тем, каковыми они были на самом деле. Исследователь полагает, что даже интенсивная экспансия афинян в регион Великой Греции (вспомним основание Фурий!) не вызвала недовольства коринфян. В это очень трудно поверить.

¹⁴ *Jeffery L.H. Archaic Greece: The City-States c. 700–500 B.C. L., 1978. P. 67.*

не проявлял к Афинам никакой враждебности. Возможно, здесь играл роль, помимо прочего, фактор Мегар – «буферного» полиса между Аттикой и Коринфией. Мегарян и афиняне, и коринфяне по большей части воспринимали как противников.

В конце архаической эпохи Коринф несколько раз оказал Афинам ощутимую и важную поддержку. В 519 г. до н.э. на сторону Афин перешел беотийский городок Платеи. Возмущенные этим Фивы – полис-гегемон Беотии – начали военные действия. Конфликт был урегулирован с помощью коринфян, которых враждующие стороны пригласили в качестве третейских судей. И решение коринфских арбитров было не в пользу фиванцев: тем предписывалось отказаться от претензий на Платеи и также оставить в покое другие беотийские города, не желавшие признавать фиванское верховенство (Herod. VI. 108)¹⁵.

В 507 г. до н.э. спартанский царь Клеомен I вел на Афины мощное пелопоннесское войско, дабы ликвидировать только что установленную клисфеновскую демократию. Однако операция не увенчалась успехом и именно благодаря влиянию Коринфа. Пелопоннесцы уже вступили на аттические земли, овладели Элевсином, и афиняне, несомненно, были бы обречены, поскольку по военным силам никак не могли равняться с противниками. Но «когда оба войска должны были уже сойтись для битвы, сначала коринфяне сообразили, что поступают несправедливо, одумались и возвратились домой... И вот когда остальные союзники в Элевсине увидели, что... коринфяне покинули боевые ряды, то и сами также возвратились домой» (Herod. V. 75–76; цитаты из Геродота здесь и далее даются в переводе Г.А. Стратановского).

Клеомен, впрочем, не успокаивался и по-прежнему хотел подчинить непокорные Афины своей воле. Через несколько лет у него созрел план восстановить у власти афинского тирана Гиппия, которого, по иронии судьбы, он сам же и сверг в 510 г. до н.э. Гиппия пригласили в Спарту, был созван конгресс Пелопоннесского союза. Однако новым замыслом лакедемонян резко воспротивились те же коринфяне. Их представитель Сокл произнес яркую, вдохновенную речь, в которой убеждал спартанцев, известных во всей Элладе как убежденные ненавистники тирании, не пятнать свою репутацию и не оказываться в роли сторонников тирана. «Прочие же союзники сначала молчаливо слушали. А когда они услышали откровенную речь Сокла, то один за другим нарушили молчание и присоединились к мнению коринфянина. Они заклинали лакедемонян не затевать недоброго в эллинском городе. Так эти замыслы расстроились» (Herod. V. 93–94). Благодаря усилиям Коринфа Афины в очередной раз были спасены. Складывается впечатление, что в Пелопоннесском союзе Коринф (по крайней мере, в некоторых случаях) выступал в качестве своеобразного «лоббиста» афинских интересов.

В начале V в. до н.э. коринфяне по-прежнему «были... в большой дружбе с афинянами» (Herod. VI. 89) и дружбу эту проявляли не только на словах, но и на деле. Незадолго до Марафона началась афино-эгинская война. Флот Афин был недостаточен (50 кораблей), и по их просьбе Коринф дал им еще 20, причем практически бесплатно, по символической цене: суда были проданы «по 5 драхм каждый, так как дарить по закону запрещалось» (Herod. VI. 89).

На первом этапе Греко-персидских войн афиняне и коринфяне рука об руку сражались с ахеменидскими войсками в рядах Эллинского союза. Оба полиса

¹⁵ Об инциденте см. *Hening D.* Herodot 6, 108: Athen und Plataiai // *Chiron*. 1992. 22. S. 13–24; *Badian.* Op. cit. P. 109 ff.

были в числе членов-учредителей этой симмахии в 481 г. до н.э. Конгрессы союза проводились именно в Коринфе. В период нашествия Ксеркса крупные коринфские контингенты приняли участие во всех без исключения важнейших битвах. 400 коринфян входили в состав греческих сил при Фермопилах (Herod. VII. 202), 40 коринфских кораблей – при Артемисии (Herod. VIII. 1), такое же количество – при Саламине (Herod. VIII. 43), 5000 коринфян при Платеях (Herod. IX. 28); какое-то их число, точно неизвестное, сражалось и в битве при Микале (Herod. IX. 102, 105). В целом можно сказать, что в победу эллинов Коринф внес третий по значению вклад, уступая только Афинам и Спарте. Коринфский полководец Адимант может быть безоговорочно признан одним из главных героев Греко-персидских войн наряду с Фемистоклом, Павсанием, Еврибиадом и др.

Когда после 479 г. до н.э. военные действия против Персии приняли совершенно иной характер, коринфяне, равно как и спартанцы (и в отличие от афинян), в них уже не участвовали. Однако новая внешнеполитическая ситуация не привела пока к ухудшению афино-коринфских отношений. Известно, что в 470-е годы до н.э. для урегулирования одного из многочисленных конфликтов между Коринфом и Керкирой посредником был приглашен афинянин Фемистокл (Plut. Them. 24). Последний вынес решение в пользу Керкиры, но в данном случае главное не в этом, а в том, что коринфские власти, конечно, не избрали бы арбитром представителя недружественного государства.

Арбитраж Фемистокла мог их разочаровать; однако этот политик уже вскоре оказался в опале, а лидером Афин стал лаконофил Кимон. В годы его протасии отношения афинского полиса со Спартой и Пелопоннесским союзом в целом оставались мирными и безоблачными; был, по сути, фактически возрожден Эллинский союз 481 г. до н.э. (который, впрочем, официально и не прекращал существования).

Благорасположение Кимона к лакедемонянам, насколько можно судить, распространялось и на коринфян. А вот со стороны последних, похоже, столь же однозначной друженности не наблюдалось, особенно ближе к концу «Кимонова века». И дело тут, думается, вот в чем. Кимон на протяжении всей своей внешнеполитической деятельности активно выстраивал систему афино-спартанского дуализма (символически отображенную в ему же принадлежащем красивом образе Эллады как упряжки, влекомой двумя конями – Афинами и Спартой)¹⁶. Коринфянам не нравилось то, что в этом создаваемом «биполярном мире» для них самих, как державы «первого эшелона», места уже не оставалось; рядом с двумя «сверхдержавами», к тому же находившимися в то время в состоянии не соперничества, а партнерства и сотрудничества, Коринфу, который с эпохи архаики привык играть достаточно независимую роль, приходилось отойти на второй план.

Сохранились сведения (Plut. Cim. 17) об инциденте, имевшем место в период участия афинского контингента во главе с Кимоном в подавлении Спартой восстания илотов (Третьей Мессенской войны 460-х годов до н.э.). Возвращаясь из этого похода, Кимон неизбежно должен был проходить через территорию Коринфа. Он не предполагал, что в связи с этим возникнут какие-либо проблемы: ведь речь вроде бы шла о союзном полисе. Однако афинскому ко-

¹⁶ Plut. Cim. 16. О Кимоне как создателе системы афино-спартанского дуализма см. Суриков И.Е. Внешнеполитические концепции Кимона и Перикла: сравнительный анализ // Историки в поиске новых смыслов. Казань, 2003. С. 225–230.

ман্দующему попытался воспрепятствовать коринфский полководец Лахарт. Кимон свое намерение все-таки выполнил и войско через коринфскую хору провел, причем вооруженного столкновения не последовало. Однако эпизод заслуживает внимания: видимо, коринфяне не приветствовали уж слишком тесную кооперацию между Афинами и Спартой. А может быть, они уже почувствовали скорое изменение ситуации, потому и вели себя столь вызывающе? Ведь, действительно, очень немного времени оставалось до остракизма Кимона и резкого обострения афино-спартанских отношений¹⁷.

В Малой Пелопоннесской войне Коринф действовал против Афин весьма интенсивно. И преследовал он не столько общие цели Пелопоннесского союза, сколько свои собственные. Прежде всего он был заинтересован в том, чтобы отторгнуть от Афин только что перешедшие на их стороны Мегары. В конечном счете коринфянам это удалось, что и было зафиксировано условиями Тридцатилетнего мира 446 г. до н.э. Упомянутый договор коринфян в целом устраивал, хотя вряд ли можно согласиться с чрезмерно категоричным утверждением Дж. Сэлмона¹⁸, что они теперь были совершенно успокоены и не питали никакой враждебности к Афинам. Нет, настороженность, конечно, оставалась, тем более что как раз с середины 440-х годов до н.э. активизировалось проникновение афинян в Южную Италию и Сицилию, возросло их стремление овладеть западным морским путем, на котором ранее Коринф практически не имел конкурентов.

В качестве аргумента в пользу тезиса о возобновлении афино-коринфской дружбы в период действия Тридцатилетнего мира Сэлмон указывает¹⁹ на факт, известный из Фукидида (I. 40. 5, 41. 2). Когда афиняне подавляли восстание 440–439 годов до н.э. на Самосе, на конгрессе Пелопоннесского союза рассматривался вопрос о том, не следует ли оказать самосцам военную помощь. Коринф высказался против, и его по-прежнему влиятельный голос привел к тому, что пелопоннесцы воздержались от участия в конфликте.

Но по какой причине Коринф занял такую позицию? Он исходил отнюдь не из симпатии к Афинам, как представляется Сэлмону, а из собственных интересов; велась значительно более сложная и тонкая дипломатическая игра. Обратим внимание на то, как сам Фукидид мотивирует поведение коринфян: они «высказались за то, чтобы каждый город мог наказывать своих союзников» (I. 40. 5). Ровно то же самое, что предпринимали афиняне по отношению к самосцам, сам Коринф давно уже планировал предпринять по отношению к своей непокорной колонии Керкире. Если бы Афинам воспрепятствовали расправиться с Самосом, был бы создан прецедент, который можно было впоследствии использовать против Коринфа.

Одним словом, мы решились бы утверждать, что в истории афино-коринфских отношений весь период 446–431 годов до н.э. был периодом весьма напряженного и недоверчивого нейтралитета. А если попытаться дать периодизацию этих отношений в годы Пентеконтаэтии в целом, то в самой общей форме такая периодизация будет иметь следующий вид: 470-е и 460-е годы до н.э. (т.е. время лидерства Кимона в Афинах) характеризовались дружественными связями, а 450-е, 440-е и 430-е годы до н.э. (т.е. время лидерства Перикла), –

¹⁷ Bloedow E.F. Why did Sparta Rebuff the Athenians at Ithome in 462 B.C.? // Ancient History Bulletin. 2000. 14. 3. P. 89–101.

¹⁸ Salmon. Wealthy Corinth... P. 268.

¹⁹ Ibid. P. 282.

напротив, противостоянием. Перелом в конце 460-х годов достаточно четко прослеживается.

Геродот бывал в Афинах не только при Перикле, но и при Кимоне. Вопреки распространенному мнению, впервые он появился в «городе Паллады» не в 440-х годах до н.э., а лет на 20 раньше²⁰. К тому моменту, когда он читал афинской публике отрывки из своего труда и получил за это от полиса денежную награду (ок. 445 г. до н.э.), этот труд, как явствует из самой ситуации, был отчасти уже написан. Причем написан именно как история Греко-персидских войн: за какие-нибудь этнографические или географические логосы его вряд ли наградили бы. Историк, несомненно, выбрал для обнародования перед афинской аудиторией такие тексты, которые имели бы ярко выраженное политическое звучание и к тому же оказались бы приятными для слушателей-афинян (ср. *Plut. Mor.* 362ab). Такими текстами могли быть только фрагменты о важнейших событиях войн с Персией: ведь именно эти части геродотовского сочинения полны прославления Афин и вообще написаны во многом именно с проафинской точки зрения. Достаточно вспомнить известный пассаж (*Herod. VII.* 139) о том, что, если бы не Афины, Эллада была бы покорена «варварами».

В любом случае вопросы о том, когда Геродот впервые прибыл на афинскую землю, сколько раз он там бывал и т.д., строго говоря, иррелевантны для основной проблематики данной работы. С середины 460-х годов до н.э., после изгнания из родного Галикарнасса, «отец истории» жил и работал на Самосе. А этот остров являлся одним из ведущих членов Афинского морского союза, в то время еще вполне лояльно настроенным по отношению к полису-гегемону симмахии. В период военных действий против персов в Эгейском бассейне Самос неоднократно становился местом стоянки афинского флота во главе с Кимоном. Иными словами, общение Геродота с афинянами должно было начаться уже тогда. И проявление в его труде проафинских тенденций вполне закономерно. Подчеркнем: проафинских, но совершенно не обязательно проперикловских, как часто считают. Напротив, есть больше оснований утверждать, что историку ближе были не Перикл и Алкмеониды, а Кимон и Филаиды²¹.

В Коринфе Геродот, конечно, тоже бывал, да и не мог не бывать. Географическое положение города на Истме с неизбежностью предполагает, что «отец истории» в ходе своих многочисленных путешествий по Балканской Греции часто оказывался в нем. Так, через Коринфский перешеек лежал один из самых удобных путей из Эгеиды в Дельфийское святилище, которое галикарнасец посещал неоднократно – в качестве не только благочестивого паломника, но и пытливого исследователя, черпавшего там значительную часть

²⁰ О чем нам уже приходилось писать: Суриков. ЛОГОГРАФОΙ ... С. 34 сл.

²¹ В настоящее время мы работаем над статьей «Геродот и Филаиды», в которой этот тезис будет представлен более развернуто, с детальной аргументацией. Соответственно, здесь вряд ли необходимо специально останавливаться на нем, тем более что прямого отношения к предмету статьи он не имеет. Из работ, в которых аргументированно оспаривается популярный тезис о «проалкмеонидовской» тенденции в труде Геродота, см. *Строгоцкий В.М.* Геродот и Алкмеониды // ВДИ. 1977. № 3. С. 145–155; *Strasburger H.* Herodot und das perikleische Athen // *Historia.* 1955. 4. 1. S. 1–25; *Schwartz J.* Hérodote et Périclès // *Historia.* 1969. 18. 3. S. 367–370; *Jordan B.* Herodotos 5. 71. 2 and the Naukraroi of Athens // *CSCA.* 1970. 3. P. 153–175; *Hart J.* Herodotus and Greek History. L., 1982. P. 1 ff.; *Develin R.* Herodotos and the Alkmeonids // *The Craft of the Ancient Historian.* Lanham, 1985. P. 125–139.

необходимой ему информации²². Коринф, кроме того, было решительно невозможно обойти стороной, если путь лежал в Пелопоннес или из Пелопоннеса. Геродот, кстати говоря, и сам дает понять, что был в Коринфии и видел там своими глазами памятник Греко-персидских войн – финикийскую триеру, захваченную в Саламинском сражении и посвященную в храм Посейдона на Истме (Herod. VII. 121).

Из некоторых сообщений античных писателей (Dio Chrys. Or. XXXVII. 7; Marcellin. Vita Thuc. 27) можно заключить, что Геродот проводил в Коринфе свои знаменитые публичные чтения. Свидетельства эти, правда, довольно поздние; тем не менее нет никаких причин априорно не доверять им. Известно, что «отец истории» устраивал чтения такого рода отнюдь не только в Афинах, но и в других эллинских полисах, например в Олимпии (Lucian. Herod. 1; Suid. s.v. Θουκυδίδης), в Фивах (Plut. Mor. 864d). Собственно, такова была общераспространенная практика представителей историографии V в. до н.э.²³, во всяком случае до Фукидида.

Относительно пребывания Геродота в Коринфе Дион Христом и Маркеллин в вышеуказанных местах сообщают весьма интересные (правда, не известно, насколько достоверные) подробности: историк будто бы не встретил там того приема, который ожидал, а самое главное – не получил платы, на которую рассчитывал, и, обидевшись на коринфян, переписал некоторые части своего произведения с сознательным намерением очернить их полис. Плутарх – один из первых исследователей геродотовского творчества – также убежден, что галикарнасский историк несправедливо пристрастен к Коринфу; в известном трактате «О злокозненности Геродота» он, в частности, заявляет, что «Геродот проявляет свое недоброжелательство... больше всего к беотийцам и коринфянам» (Plut. Mor. 854f).

Разумеется, вопрос о якобы личной подоплеке (банальное корыстолюбие) «антикоринфских» пассажей в труде великого историка не может даже рассматриваться всерьез. Перед нами – элемент распространенной в античности традиции негативной оценки Геродота как «лжеца»²⁴. Более того, и суждение о его безусловно отрицательном отношении к Коринфу сильно преувеличено. Если, например, такой полис, как Фивы, действительно представлен в «Истории» в однозначно черном цвете, практически без полутонов²⁵, то с Коринфом все гораздо сложнее. Его образ у Геродота достаточно многогранен и

²² О проявлениях дельфийской традиции в труде Геродота см., в частности: *Lloyd M. Cleobis and Biton (Herodotus 1, 31) // Hermes. 1987. 115. 1. S. 22–28; Kindt J. Delphic Oracle Stories and the Beginnings of Historiography: Herodotus' Croesus Logos // Classical Philology. 2006. 101. 1. P. 34–51. В более широком контексте см. также Funke P. Herodotus and the Major Sanctuaries of the Greek World // The World of Herodotus. Nicosia, 2004. P. 159–167.*

²³ *Momigliano A. The Historians of the Classical World and their Audiences: Some Suggestions // Annali della Scuola normale superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia. 1987. 8. 1. P. 59–75.*

²⁴ О причинах складывания этой традиции в античной историографии см. *он же. Studies in Historiography. N.Y., 1966. P. 127 ff.; Суриков И.Е. Геродот и египетские жрецы (к вопросу об «отце истории» как «отце лжи») // Исседон. 2007. Т. 4. С. 7 слл.*

²⁵ Что обуславливалось общим отношением к Фивам в греческом мире после того, как те в 480 г. до н.э. открыто приняли сторону Ксеркса. О месте Фив в межполисных отношениях в Элладе в период Пентеконтаэтии см. *Баклер Дж. Спарта, Фивы, Афины и равновесие сил в Греции (457–359 гг. до н.э.) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000. С. 75 слл.*

даже противоречив. Напомним хотя бы о следующем обстоятельстве: выше мы привели ряд примеров важной положительной роли Коринфа в греческой политической жизни конца VI и начала V в. до н.э., – и все эти примеры были взяты именно из сочинения «отца истории»! Последний, таким образом, отнюдь не склонен замалчивать достижений коринфян.

Для прояснения вопроса оказывается необходимым рассмотреть свидетельства Геродота о Коринфе и коринфянах. Они довольно многочисленны, но при этом разбросаны по всему труду (связный очерк коринфской истории в нем не представлен). Все привлекающие наше внимание сообщения могут быть разделены на три группы по оценочному принципу: откровенно позитивные, откровенно негативные и более или менее нейтральные. Мы сосредоточимся на анализе первых двух групп, а из третьей рассмотрим только те свидетельства, которые по той или иной причине вызывают специальный интерес²⁶. Наверное, резоннее всего будет начать именно с этой третьей группы, чтобы, закончив с ней, затем уже более подробно остановиться на эмоционально окрашенных пассажах.

В геродотовском труде неоднократно упоминаются различные события жизни и деятельности знаменитых коринфских тиранов – Кипсела и особенно Периандра²⁷. Последний представлен как яркая, колоритная личность, носитель как больших достоинств, так и чудовищных пороков. Именно так, в очень неоднозначном свете обычно и изображаются у галикарнасского историка тираны (ср. образы Поликрата Самосского, Гиппия Афинского и др.), что, несомненно, отражает общее отношение к тирании, сформировавшееся в Греции эпохи ранней классики. С одной стороны, в легенде о кифареде Арионе (Herod. I. 23–24) Периандр предстает как мудрый и справедливый правитель, подвергший заслуженному наказанию мореходов, которые пытались погубить музыканта. Во время войны Лидии против Милета он, располагая стратегически важной информацией, использует ее для помощи милетянам (Herod. I. 20 sqq.). Афиняне и лесбосцы выбирают его арбитром в территориальном споре (Herod. V. 95), что свидетельствует о высоком внешнеполитическом авторитете коринфского тирана. С другой же стороны, всячески подчеркивается жестокость Периандра. Он послал в Лидию для оскотления 300 мальчиков с Керкиры (Herod. III. 48), убил свою жену (Herod. III. 50; V. 92), пошел войной на тестя (Herod. III. 52), враждовал с собственным сыном (Herod. III. 50 sqq.), истреблял выдающихся граждан (Herod. V. 92)²⁸, а коринфских женщин приказал собрать в храме Геры и раздеть донага (ibid.)...

²⁶ Так, Геродот говорит о коринфском шлеме (IV. 180), о коринфском покрое одежды (V. 87), о красоте коринфских женщин (III. 134), о том, что Амбракия и Левкада были основаны коринфянами (VIII. 45), о том, что фиванские персофилы, выданные Павсанию после Платейской битвы, были казнены в Коринфе (IX. 88) и т.п. Но ясно, что для тематики нашей работы эта информация вряд ли что-то дает.

²⁷ *Cataudella M.R. Erodoto e la cronologia dei Cipselidi // Maia. 1964. 16. 2. P. 204–225.* Подробное рассмотрение свидетельств Геродота о ранней истории Коринфа см. в недавней монографии эстонского антиковеда М. Кыйва: *Kõiv M. Ancient tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early Archaic Sparta, Argos and Corinth.* Tallinn, 2003. P. 227 ff.

²⁸ Об этой стороне политики Кипселидов см. *Salmon J.B. 'Lopping off the Heads'? Tyrants, Politics and the Polis // The Development of the Polis in Archaic Greece. L.–N.Y., 1997. P. 60–73.* В работе аргументированно показано, что антиаристократические репрессии коринфских тиранов отнюдь не были чем-то специфичным именно для них: так же поступали практически все представители «старшей тирании».

Следует отметить, что свидетельства Геродота о коринфских тиранах в особенной степени насыщены новеллистическими, фольклорными элементами. Кроме рассказа об Арионе и Периандре, наиболее характерно в этом плане повествование об основателе тирании Кипселе: о его происхождении, о предсказанной ему оракулами славной судьбе, о чудесном спасении Кипсела от преследований Бакхиадов²⁹. В экскурсах о Кипселидах мы, кажется, не обнаруживаем эксплицитных оценочных суждений о самих коринфянах. Разве что, пожалуй, бросается в глаза вероломство коринфских моряков, которые нанялись перевезти Ариона из Тарента на родину, а в пути задумали убить своего пассажира и забрать его сокровища. Но данный мотив, несомненно, не принадлежит самому Геродоту: он содержался уже в пересказанной историком легенде об Арионе, а не привнесен автором.

Геродот несколько раз упоминает о дельфийской сокровищнице коринфян – одной из самых ранних и богатых в святилище Аполлона – и о хранившихся там посвящениях (Herod. I. 14, 50–51; IV. 162), в числе которых были дары лидийских царей Мермнадов³⁰. Интересна одна из фраз, сказанная историком в данной связи: «В действительности же это не сокровищница государства коринфян (Κορινθίων τοῦ δημοσίου), а Кипсела, сына Этиона» (I. 14). Здесь можно уловить легкую эмоциональную окрашенность, причем негативную для гражданской общины коринфян. Получается, что она то ли присвоила себе постройку, возведенную тираном, то ли декларирует преемственность по отношению к власти этого тирана.

Скорее справедливо последнее. В другом пассаже (Herod. III. 48–49) уже вполне недвусмысленно говорится о такой преемственности. Когда спартанское войско отправилось на Самос с целью свергнуть тирана Поликрата, «к этому походу... добровольно присоединились коринфяне». По какой же причине? Оказывается, они хотели отомстить самосцам за освобождение керкирских детей, в свое время посланных Периандром в Лидию для оскотления. Таким образом, по Геродоту, коринфские граждане не видели в этом поступке своего тирана ничего бесчеловечного и, напротив, теперь были полны решимости восстановить «справедливость».

В том же месте, кстати, «Отец истории» специально останавливается на застарелой вражде Коринфа и Керкиры. Эта вражда, как известно, получила особое внешнеполитическое звучание во второй половине 430-х годов до н.э., когда в отношения между метрополией и колонией, в очередной раз обострившиеся, вмешались Афины, данный факт стал одним из главных непосредственных поводов к началу Пелопоннесской войны³¹. Геродот в то время был еще жив и продолжал в работу над своим трудом, в котором, несомненно, встречаются упоминания о некоторых событиях первого периода великого столкновения между Афинской архэ и Пелопоннесским союзом³² (одно из

²⁹ Анализ этого геродотовского логоса с интересными идеями относительно направленности цитируемых в нем оракулов о Кипселе см. *McGlew J.F.* Tyranny and Political Culture in Ancient Greece. Ithaca, 1996. P. 61 ff.

³⁰ Об обстоятельствах появления лидийских посвящений именно в сокровищнице коринфян см. *Суриков И.Е.* Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // *Античная цивилизация и варвары*. М., 1996. С. 59.

³¹ См. об этом факторе афино-коринфских отношений: *Raubitschek A.E.* The School of Hellas: Essays in Greek History, Archaeology, and Literature. Oxf., 1991. P. 23 ff.

³² *Fornara Ch.W.* Evidence for the Data of Herodotus' Publication // *JHS*. 1971. 91. P. 25–34.

этих упоминаний мы еще затронем ниже). С немалой степенью уверенности можно говорить, что информация о затяжном коринфско-керкирском конфликте была введена историком в свое сочинение (и уж, во всяком случае, воспринималась читателями) в актуальном контексте имевшего место на тот момент развития событий на межполисной арене.

Широко известна следующая сентенция Геродота, в которой также фигурируют коринфяне: «...и у фракийцев, скифов, персов, лидийцев и почти всех других варварских народов меньше почитают ремесленников, чем остальных граждан... Так вот, этот обычай переняли все эллины, и прежде всего лакедемоняне. Менее же всего презирают ремесленников в Коринфе (ἤκιστοὶ δὲ Κορίνθιοι ὄνουνται τοὺς χειροτέχνους)» (Herod. II. 167). Необходимо оговорить: речь здесь не идет, как иногда считают (делая из этого далеко идущие выводы), о том, что коринфяне относились к ремесленникам с уважением. Сказано, повторим и подчеркнем, только то, что они их «менее всего презирают». Однако и это уже кое-что означает. Коль скоро пренебрежительное отношение к ремесленникам – общая и типичная эллинская черта³³, а более всего она характерна для спартанцев (которые у Геродота во многом выступают как «эллины по преимуществу»³⁴), то по контрасту получается, что коринфяне – как бы не вполне эллины. Сам галикарнасский историк, кстати, ни в каких симпатиях к ремесленникам³⁵ тоже не замечен.

Итак, даже в тех «коринфских» пассажах Геродота, которые в целом могут быть названы нейтральными по своей эмоциональной окраске, некоторые следы предубежденности против коринфян все же имеются. Жителям этого полиса приписываются такие качества, как чрезмерно благожелательное отношение к ремесленникам, вероломство, стремление сохранить преимущество по отношению к свергнутой тирании и т.п. Причем, следует отметить, эти качества фиксируются не столько самим Геродотом, сколько, пожалуй, панэллинским общественным мнением, на которое историк опирается. Удивительного здесь мало: Коринф действительно был богат, что не могло не породить в среде граждан менее преуспевающих городов определенную зависть и разного рода сплетни и кривотолки.

Перейдем теперь к анализу тех мест из «Истории», в которых тенденциозность по отношению к Коринфу (позитивную или негативную) уже не нужно обнаруживать путем тщательного анализа, поскольку она вполне очевидна. Обратимся вначале к пассажам, где Коринф и коринфяне изображены, так сказать, со знаком «плюс». Значительная часть их была кратко перечислена выше – в связи с рассмотрением афино-коринфских отношений в хронологи-

³³ См. об этом: *Anastasiadis V.I. Idealized σχολή and Disdain for Work: Aspects of Philosophy and Politics in Ancient Democracy // CQ. 2004. 54. 1. P. 58–79.*

³⁴ См. к этому, например, следующие пассажи, в которых спартанцы особенно ярко выступают в качестве носителей специфически эллинских, полисных ценностей – свободы и законности: *Herod. VII. 101–105, 134–137.* Ср. в данной связи: *Huxley G.L. Herodotus on Myth and Politics in Early Sparta // Proceedings of the Royal Irish Academy. Section C – Archaeology, Celtic Studies, History, Linguistics, Literature. 1983. 83. 1. P. 2; Farrar. Op. cit. P. 20; Thomas R. Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion. Camb., 2000. P. 109 ff.*

³⁵ В отличие от торговцев, к которым Геродот относится благожелательно. Ср., например, симпатичный образ самосского купца Колея (*Herod. IV. 152*). Констатируя этот факт, мы тем не менее отнюдь не присоединяемся к распространенному мнению, согласно которому сам Геродот был торговцем.

ческом порядке. А теперь мы рассмотрим эти места более подробно, с привлечением новых, ранее не упоминавшихся, и к тому же в той последовательности, в которой они появляются в геродотовском труде.

Herod. V. 75–76: благодаря коринфянам, которые «сообразили, что поступают несправедливо (οὐ λοιοῖεν τὰ δίκαια)» и отозвали свой контингент, сорвался карательный поход спартанского царя Клеомена I на Афины, который в случае успеха повел бы к установлению тирании Исагора или – скорее – лакнофильской олигархии³⁶. В итоге в афинском полисе продолжились инициированные Клисфеном демократические реформы. Выходит, что коринфяне в каком-то смысле (конечно, сами о том не подозревая) внесли косвенный, но немаловажный вклад в установление классической афинской демократии.

Далее, уже ранняя форма этой демократии – Геродот (V. 78) называет ее исгорией – резко укрепила военно-политическую мощь афинского полиса. «Отец истории» специально останавливается на этом моменте (Herod. V. 78). В конечном счете отсюда же проистекают успех морской программы Фемистокла и главный вклад афинян в победу над персами. Этот вклад, как мы упоминали выше, Геродотом также подчеркивается, – правда, совсем в другом месте (VII. 139) и, казалось бы, вне всякой связи с рассказом о «рождении демократии». Однако от внимательного читателя связь эта все-таки не могла ускользнуть. Нам уже приходилось отмечать в другом месте³⁷, что разные части геродотовской «Истории», как незримыми нитями, пронизаны многочисленными ассоциативными связями, соединяющими разнородный и разновременный материал в единый смысловой ряд; но это можно заметить, лишь читая взаимосвязанные пассажи не изолированно, а в контексте всего труда. В результате получается, что в конечном счете Эллада восторжествовала над «варварами» и отстояла свою свободу потому, что когда-то, при совсем иных обстоятельствах, коринфяне приняли правильное решение.

Herod. V. 91–94: Афины и афинская демократия еще раз спасены усилиями коринфян. Их посол Сокл на конгрессе Пелопоннесского союза³⁸ сорвал новые планы Клеомена I – восстановить у власти афинского тирана Гиппия. Обширная речь Сокла содержит, в сущности, лишь один-единственный, но развернуто трактованный аргумент: «...нет ведь на свете никакой другой более несправедливой власти и более запятнанной кровавыми преступлениями, чем тирания» (Herod. V. 92). Можно заметить некоторое противоречие с тем обстоятельством, на которое мы указывали выше, – с постулируемым Геродотом желанием коринфян сохранить определенную преемственность по сравнению с режимом Кипселидов. Противоречия, когда они встречаются в сочи-

³⁶ Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 257. Об эпизоде в целом см. *Trittle L.A. Kleomenes at Eleusis // Historia*. 1988. 37. 4. S. 457–460.

³⁷ Суриков И.Е. Квази-Солон, или Крез в персидском плену (К вопросу о повествовательном мастерстве Геродота) // История: мир прошлого в современном освещении. Сб. научн. ст. к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2008. С. 82.

³⁸ Весьма вероятно, что это был первый общий конгресс в истории возглавлявшейся Спартой симмахии, а ранее лакедемоняне не обращались к подобной практике (ср. *Cawkwell G.L. Sparta and her Allies in the Sixth Century // CQ*. 1993. 43. 2. P. 364 ff.). В таком случае весьма характерно, что уже на первом же съезде представителей союзных полисов Коринф занял подчеркнуто независимую позицию, выступил, по сути, в роли «внутренней оппозиции» Спарте.

нении галикарнасского историка, как правило, не являются результатом недоработок и упущений автора, а продиктованы неким внутренним смыслом. В данном случае этот смысл, на наш взгляд, заключается в том, чтобы посредством введения контрастной антитезы придать описанию происходящего иронический характер. Коринфяне, с одной стороны, фактически продолжают политику, начатую их тиранами, а с другой – выступают в качестве жестких обличителей тирании. Впрочем, в роли таких обличителей выведены не коринфяне в целом, а лишь одно конкретное лицо – Сокл. В разбираемом пассаже Геродот избегает употребления от своего лица выражения οἱ Κορίνθιοι во множественном числе.

Herod. VI. 89: коринфяне выступают в роли больших друзей афинян (φίλοι ἐς τὰ μάλιστα Ἀθηναίοισι) и помогают им военными кораблями в вооруженном конфликте с Эгиной. Однако и тут не обходится без «ложки дегтя»: афинским посланцам приходится упрашивать коринфян о помощи и упрашивать, видимо, довольно долго, поскольку, пока переговоры тянулись, «все предприятие рухнуло»: эгинеты должным образом подготовились в обороне, не дали застать себя врасплох, и попытка захватить остров внезапным ударом сорвалась. Таким образом, коринфское содействие оказалось, в общем-то, совершенно бесполезным. Еще одна характерная деталь: Коринф предоставил Афинам суда не даром, а продал, хотя бы и по символической цене. Очередной намек на скаредное корыстолюбие граждан города на Истме?

Herod. VI. 108: Коринф посредничает между Афинами и Фивами в споре о том, под чьей гегемонией должны находиться Платеи. Вынесенное арбитрами решение о пограничной линии между двумя сторонами более устраивает афинян. Но затем «...коринфяне удалились. Беотийцы же напали на афинян, когда те возвращались домой, но потерпели поражение. Тогда афиняне перешли границы, установленные коринфянами для платейцев, и объявили реку Асоп и Гисии границей Фиванской и Платейской областей».

Что же получается? Коринфяне проводят третейский суд, но оказываются не в состоянии (или не особо-то желают?) гарантировать выполнение сторонами вынесенного вердикта. Те в конечном счете решают вопрос все-таки вооруженным путем, и результаты коринфского арбитража оказываются попросту отброшенными.

Herod. VII. 154: тиран Гелы Гиппократ³⁹ нанес поражение Сиракузам, желал захватить их, но «...сиракузян все же спасли (ἐρρύσαντο) от этой участи коринфяне и керкиряне. А спаслись сиракузяне, заключив мир при условии выдачи Гиппократу Камарины». Данный пассаж предельно краток, в нем даже не разъясняется, как именно коринфяне и керкиряне «спасли» Сиракузы. Вряд ли следует предполагать их прямое вступление в войну на сиракузской стороне. Скорее они предложили свои услуги в качестве посредника при переговорах и сумели добиться условий мира, более или менее приемлемых для Сиракуз.

На что еще в приведенном месте можно обратить внимание? Коринф и Керкира выступают «единым фронтом» – это несколько противоречит укоренившемуся представлению о давней и непрерывной вражде двух полисов. Ведь

³⁹ О тиране Гиппократе (из рода Пантаридов) и о датировке рассматриваемых здесь событий (конец 490-х годов до н.э.) см. *Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII – середины V в. до н.э. СПб., 2004. С. 128 слл., 138 слл.

сам же Геродот в другом месте (III. 49) пишет, что «с тех пор как коринфяне основали поселение на острове Керкира, они жили в постоянной вражде с керкирянами (αἰεὶ... εἰς ἄλλήλοισι διόφοροι)». Эта «нестыковка» вряд ли введена историком сознательно; она, скорее всего, проистекает из того, что автор в двух случаях опирался на разные традиции: в рассказе о противостоянии Коринфа и Керкиры – на самосскую, недружественную по отношению к Коринфу⁴⁰, а в рассказе об их сотрудничестве – на сицилийскую, которая была, напротив, прокоринфской.

Далее, «спасение» Коринфом сиракузян было, как видим, все-таки неполным: пришлось уступить противнику город Камарину, старинное владение Сиракуз. А самое главное, что «спасение» и вообще-то оказалось лишь кратковременной отсрочкой: уже через несколько лет следующий тиран Гелы Гелон сумел-таки завоевать сиракузский полис и включить его в состав своей державы. В данном случае коринфяне почему-то не помогли.

В повествовании о Греко-персидских войнах вряд ли можно считать благожелательными по отношению к Коринфу пассажами случаи простой констатации наличия коринфских контингентов в союзных эллинских силах в том или ином сражении (Herod. VII. 202; VIII. 1, 43; IX. 28, 102). Их следует скорее зачислить в категорию нейтральных. Некоторый (не слишком ярко выраженный) оценочный характер имеют лишь следующие три места.

Herod. VIII. 72: упомянуто, что Коринф, в числе ряда других пелопоннесских полисов, прислал свой контингент для обороны Истма от возможного нападения врага. Эти полисы характеризуются как «города, поспешившие на помощь, тревожась за Элладу в грозный час опасности».

Herod. IX. 31: готовясь к битве при Платеях, Мардоний расставляет свое войско таким образом, чтобы отряд мидян стоял «против коринфян, потидейцев, орхоменцев и сикионцев». Мидяне традиционно считались одной из самых сильных в военном отношении частей ахеменидской армии. Тот факт, что их разместили против коринфян (и некоторых других), должен свидетельствовать об уважении к этим последним со стороны персидского командующего. Впрочем, судя по дальнейшему, это уважение оказалось ни на чем не основанным: в самом Платейском сражении, если верить Геродоту, коринфские воины никакой доблести не проявили (см. ниже).

Herod. IX. 105: в битве при Микале «...особенно отличились афиняне... После же афинян больше всего отличились коринфяне, трезенцы и сикионцы». Здесь все-таки заметно стремление воздать должное роли Коринфа в борьбе с персами.

Подводя итог позитивным суждениям «отца истории» о Коринфе, следует подчеркнуть, что все-таки однозначно, безоговорочно позитивным не является почти ни одно из них. Чуть ли не повсюду у Геродота (а точнее, у его информаторов) даже при описании заслуг коринфян обнаруживаются такие нюансы, добавление которых в той или иной мере сводит эти заслуги на нет или, как минимум, принижает их.

Кроме того, важно не только то, что сказано, но и то, что не сказано. В геродотовском труде (в отличие от «Истории» Фукидида) в целом не часто встречается обращение к «фигуре умолчания». Один из характерных примеров необходимо упомянуть. Рассказывая о клисфеновской реформе фил в

⁴⁰ Этот рассказ дан в контексте эпизода с неудачным походом Спарты и Коринфа против Самоса.

Афинах, галикарнасец пишет, что за образец была взята аналогичная реформа в Сикионе (Herod. V. 67–69)⁴¹. Однако Дж. Сэлмон, исследовав этот вопрос, аргументированно показал, что в действительности афинский реформатор в значительно большей степени опирался на прецедент не Сикиона, а Коринфа⁴². Ведь Клисфен, как известно, ввел совершенно новую систему искусственно созданных фил взамен старых, ионийских⁴³. Именно нечто в том же роде произошло и в Коринфе, причем значительно раньше, – вероятнее всего, еще при Кипселидах⁴⁴. В Сикионе же ничего подобного не было; там существующие филы были просто переименованы. Строго говоря, это даже вряд ли можно называть реформой.

Иными словами, Геродот ничего не говорит об истинной модели для вышеупомянутого клисфеновского преобразования, а вместо этого дает некорректное, дезориентирующее указание. Подчеркнем снова и снова: самого историка винить здесь не в чем. Он, как всегда, честно следовал своему излюбленному принципу – λέγειν τὰ λεγόμενα (VII. 152)⁴⁵, т.е. передавал то, что ему сообщали, в данном случае в Афинах. Судя по всему, афинянам уж очень не хотелось признавать, что они чем-то обязаны Коринфу, тем более когда речь шла о столь важном и интегральном элементе их тогдашнего государственного устройства, как учрежденные Клисфеном новые филы.

Перейдем теперь к тем геродотовским пассажам, в которых коринфяне представлены в однозначно негативном свете. Эти пассажи сконцентрированы в последней части труда (книги VIII–IX), и все даны в контексте повествования о кампании 480–479 годов до н.э. «Антикоринфских» выпадов в «Истории» не так уж и много, но они бросаются в глаза выраженно обличительным тоном. Характерно еще, что собранный Геродотом «компромат» на коринфян неразрывно связан с фигурой их стратега – Адиманта, сына Окита. Создается впечатление, что в глазах афинских информаторов галикарнасца эта личность сосредотачивала в себе чуть ли не все «мировое зло».

Herod. VIII. 5: прибыв к Артемисию в составе союзного эллинского флота, коринфские моряки во главе с Адимантом изначально были настроены пораженчески и не желали вступать в сражение с персами. Адимант «заявил, что отплывет и не останется у Артемисия». Однако Фемистокл, получив взятку в 30 талантов от эвбейцев, боявшихся, что их покинут на произвол судьбы, поделился этими деньгами с коринфским военачальником. «Он тотчас же послал на корабль Адиманта 3 таланта серебра», и тот изменил свое решение.

⁴¹ В связи с этим геродотовским пассажем см. *Myres J.L.* Cleisthenes in Herodotus // *Mélanges Gustave Glotz*. Т. 2. П., 1932. P. 657–666; *Bicknell P.J.* Herodotus 5. 68 and the Racial Policy of Kleisthenes of Sikyon // *GRBS*. 1982. 23. 2. P. 193–201.

⁴² *Salmon J.B.* Cleisthenes (of Athens) and Corinth // *Herodotus and his World*. Oxf., 2003. P. 219–234.

⁴³ О сущности данной реформы Клисфена см. *Stanton G.R.* The Tribal Reform of Kleisthenes the Alkmeonid // *Chiron*. 1984. 14. S. 1 ff.; *idem.* The Trittyes of Kleisthenes // *Chiron*. 1994. 24. S. 161 ff.

⁴⁴ Подробнее о коринфской реформе фил см. *Жестоканов С.М.* Организация гражданской общины в Коринфе // *Мнемон*. Вып. 6. СПб., 2007. С. 237–248. На смену трем традиционным дорийским филам было введено восемь новых, территориальных. Они имели подразделение также территориального характера.

⁴⁵ Ср. *Кузнецова Т.И., Миллер Т.А.* Античная эпическая историография: Геродот. Тит Ливий. М., 1984. С. 23; *Momigliano A.* The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley, 1990. P. 36.

При этом коринфянин ничего не знал об эвбейской взятке и полагал, что Фемистокл вручает ему афинские по происхождению деньги⁴⁶.

Вся эта история вряд ли имеет что-то общее с действительностью. Она, по всей видимости, является элементом сложившейся в Афинах ко времени прибытия Геродота «антифемистокловской» традиции. Весьма вероятно, что это обвинение (как и ряд других аналогичного характера) фигурировало на суде над Фемистоклом. Процесс проходил в отсутствие обвиняемого, и против него можно было говорить что угодно: отвечать, опровергать клевету все равно было некому.

Адимант же выведен в процитированном рассказе, во-первых, взяточником, готовым из корыстолюбия менять свои принципиальные решения. Но, во-вторых, он изображен еще и недалеким простаком, которому перепала лишь малая толика от огромной суммы, полученной Фемистоклом, а он этим вполне удовольствовался. Подобный упрек немало значил в глазах греков, которые столь ценили интеллектуальные качества индивидов...

Herod. VIII. 21: когда эллины достаточно успешно сразились с персами при Артемисии, но затем получили известие о поражении сухопутного войска при Фермопилах, было принято решение все-таки отступить от Эвбеи. Во время отступления «впереди плыли коринфяне, а последними афиняне». Дж. Сэлмон совершенно справедливо отмечает⁴⁷, что такой порядок построения был обусловлен военно-тактическими соображениями. Афинская эскадра была самой большой в союзном флоте, коринфская – второй по величине. Вполне естественно, что две крупнейшие эскадры в интересах общей безопасности поставили в авангард и арьергард, причем в арьергарде находилась большая из них, поскольку главная угроза исходила именно оттуда: персы оставались позади. Геродот, однако, всего этого не оговаривает. В результате у неискушенного читателя не может не создаться впечатления, что коринфяне плыли впереди по своей трусости; они как бы первыми обратились в бегство.

Herod. VIII. 59–61: на военном совете командиров греческих морских сил, состоявшемся на Саламине, решается вопрос, давать ли здесь «варварам» генеральное сражение. На этом всячески настаивает Фемистокл. А Адимант – ровно так же, как и при Артемисии, – опять настаивает на дальнейшем отступлении. Во время дебатов он ведет себя очень грубо и несдержанно, не останавливается даже перед оскорблениями по адресу Фемистокла и афинян: «Тому, кто не имеет родины, следовало бы молчать. Еврибиад не должен предоставлять права голоса человеку, лишенному отечества (ἀλοῦ ἀνδρὶ). Ведь, прежде чем вносить предложения, Фемистокл должен показать, какой город он представляет». Афины как раз только что были заняты армией Ксеркса, и их гражданам слышать такое было, несомненно, более чем болезненно.

Два рассмотренных эпизода с Адимантом различаются в деталях, но совпадают по общей сюжетной схеме, фактически строятся по одной и той же модели: полководец, вместо того, чтобы, как велит воинский долг, мужественно встретить врага, намеревается обратиться в бегство (то ли из трусости, то ли из тайного сочувствия противнику?). В третьем эпизоде, к которому мы теперь переходим, он свое намерение реализует. Этот эпизод, пожалуй, наибо-

⁴⁶ В связи с этим и нижеследующим эпизодами см. *Gyratzsch C. Eurybiadas und Themistokles bei Artemision und Salamis // Klio. 1925. 19. S. 62 ff.*

⁴⁷ *Salmon. Wealthy Corinth... P. 254.*

лее важен в контексте нашего изложения, и его просто необходимо процитировать *in extenso*. Речь идет уже о самом Саламинском сражении.

Herod. VIII. 94: «Что касается Адиманта, коринфского военачальника, то он, по рассказам афинян, с самого начала (ἀντίκα κατ' ἀρχάς) битвы в смертельном страхе (ἐκπλαγέντα τε καὶ ὑπερδείθοντα) велел поднять паруса и бежал (φεύγοντα). Коринфяне же, видя бегство корабля военачальника, тоже бежали. Когда беглецы были уже вблизи святилища Афины Скирады на Саламине, навстречу им вышло какое-то парусное судно, ниспосланное божеством (θεῖη πομπῆ), которое, как оказалось, никто из людей не посылал. Судно подошло к коринфянам, когда те ничего еще не знали об участии флота. Афиняне усмотрели в этом вмешательство божества (θεῖον τὸ πρῆγμα) вот почему. Когда судно приблизилось к коринфским кораблям, то люди, бывшие на нем, сказали: “Адимант! Ты обратился в бегство с твоими кораблями, предательски покинув (καταπροδοὺς) эллинов. А эллины все-таки одерживают столь полную победу над врагом, о какой они могли только мечтать!”. Адимант не поверил их словам, и тогда они снова сказали, что готовы отдаться коринфянам в заложники и принять смерть, если эллины не одержат блестящей победы. Тогда Адимант и другие коринфяне повернули свои корабли и возвратились назад к флоту, когда битва уже кончилась (ἐπ' ἐξεργαθμένοισι). Так гласит афинское предание (φάτις). Коринфяне же, конечно, возражают против этого, утверждая, что доблестно (ἐν πρώτοισι) сражались в битве в числе эллинов. Все прочие эллины подтверждают это (μαρτυρεῖ δέ σφί καὶ ἡ ἄλλη Ἑλλάς)».

Перед нами, конечно же, легенда, и в ней, как подобает, есть даже элементы сверхъестественного (чудесное появление корабля-вестника). Это одна из тех многочисленных легенд, которые сложились в Афинах в связи с самыми знаменитыми сражениями Греко-персидских войн – Марафонским и Саламинским. Афинское происхождение рассказа Геродот отнюдь не скрывает, напротив, подчеркивает, указывая при этом, что мнение как коринфян, так и остальных греков совершенно иное.

И действительно, из других источников известно, что коринфские воины бились при Саламине вполне достойно, а Адимант был талантливым и мужественным флотоводцем⁴⁸. Особенно характерен следующий факт⁴⁹. После сражения коринфские воины, погибшие в нем, были похоронены на Саламине, и на надгробии высечена стихотворная эпитафия (Plut. Mor. 870e; IG I². 927):

Раньше мы жили, о друг, в обильном водою Коринфе,
Ныне же нас Саламин, остров Аякса, хранит.
Здесь мы святую Элладу спасли, корабли финикийя
Сокрушив, да еще персов и мидян войска.

⁴⁸ Дж. Сэлмон допускает, что в начале сражения действительно могло иметь место отступление коринфской эскадры со своих позиций, но видит в этом не проявление трусости, а заранее спланированный тактический маневр, «заманивание» противника (Wealthy Corinth... P. 254–255). Мы же, со своей стороны, не уверены, что в рассматриваемом здесь рассказе вообще нужно обязательно искать историческое ядро. Перед нами – типичный злонамеренный вымысел, направленный на дискредитацию коринфян и вряд ли основанный на каких-то реальных фактах. Как бы то ни было, совершенно ясно одно: коринфские моряки сражались при Саламине, а не плавали во время битвы туда-сюда, как показано у Геродота.

⁴⁹ Его справедливо подчеркивает Сэлмон (Wealthy Corinth... P. 255).

И сам Адимант был после смерти почтен весьма почетной надгробной надписью, тоже стихотворной, которую сохранил для нас Плутарх (Мор. 870f):

Вот Адиманта могила, которому всею Элладой
Преподнесен был венок за избавленье ее.

Обратим внимание на то, что полководец здесь характеризуется как человек, которого чтит вся Эллада, а не только Коринф. Это само по себе может еще ни о чем не говорить: у себя в полисе коринфяне были вольны написать все, что угодно. Совсем другое дело – саламинская надпись. Саламин и до битвы и после нее неизменно находился под контролем Афин, и без разрешения афинских властей никакая эпитафия на нем, разумеется, не могла быть помещена. Стало быть, афиняне тогда не возражали против увековечения памяти павших в сражении коринфских граждан и не ставили под вопрос проявленную ими доблесть. Приходим к выводу, что переданная Геродотом псевдо-историческая традиция о якобы имевшем место бегстве Адиманта и коринфян сложилась в Афинах уже позже. Когда и при каких обстоятельствах? Мы еще вернемся к этому вопросу чуть ниже, а пока продолжим рассмотрение «антикоринфских» пассажей в труде «отца истории».

Herod. IX. 69: в битве при Платеях коринфский отряд, наряду с контингентами из многих других греческих городов, не принял, в сущности, никакого участия. Сражение было выиграно исключительно благодаря действиям спартанцев, афинян и тегейцев, а все остальные «стояли у святилища Геры и не участвовали в битве». Затем до них дошла весть о победе Павсания, и «тогда эллины в полном беспорядке (οὐδὲνα κόσμον ταχθέντες) устремились к святилищу Деметры, причем коринфяне и их соседи – по склонам Киферона и холмам дорогой, идущей прямо вверх...». Бросились они туда, естественно, для того, чтобы поживиться при разграблении вражеского лагеря. Таким образом, здесь коринфяне опять же изображены в далеко не самом благоприятном свете.

Herod. IX. 95: во время летней кампании 479 г. до н.э. в Восточной Эгееде, увенчавшейся битвой при Микале, в эллинском войске присутствовал прорицатель Деифон, уроженец Аполлонии Иллирийской и сын другого знаменитого прорицателя, Евения (о том, как этот последний получил пророческий дар, Геродот тут же дает специальный экскурс, по обыкновению наполненный чудесными событиями, вмешательством богов и пр.).

Присутствие «штатного» прорицателя в любой греческой армии было делом обязательным, причем всякий раз старались заполучить как можно более авторитетного «эксперта» в этой области: узнать волю богов считалось очень важным. В данном случае Геродот специально указывает, что Деифона привезли с собой коринфяне. А далее следует неожиданная оговорка: «Я слышал, впрочем, еще вот какой рассказ, будто этот Деифон выдавал себя за сына Евения и бродил по всей Элладе. Пользуясь знаменитым именем, он изрекал прорицания за плату». По этой версии получается, что коринфяне на самом деле привезли с собой шарлатана.

Итак, целый ряд мест геродотовской «Истории» проникнут антикоринфской тенденцией, подчас весьма ярко выраженной. Особенно «достаётся» Адиманту, который в Коринфе имел репутацию одного из самых славных героев за всю историю полиса. Почему же афинские информаторы Геродота с

такой неприязнью относились именно к этому полководцу и политику? Еще один пассаж из сочинения галикарнасца (VII. 137) в значительной степени проливает свет на эту загадку.

Эпизод, о котором пойдет речь, относится к значительно более позднему времени – к 430 г. до н.э., когда уже шла Пелопоннесская война. Геродот лишь кратко упоминает, что коринфянин Аристей, сын Адиманта, был схвачен и казнен афинянами. Более подробный рассказ находим у Фукидида (II. 67): «В конце того же лета коринфянин Аристей, послы лакедемонян Анерист, Николай и Протодам... отправились в Азию к царю, чтобы побудить его оказать пелопоннесцам помощь деньгами и участием в войне. По пути они сначала прибыли во Фракию к Ситалку, сыну Терея... Случайно тогда у Ситалка находились и афинские послы... Они убедили Садока, сына Ситалка, который получил афинское гражданство, выдать им лакедемонян... Садок согласился на просьбу афинян и велел схватить лакедемонян при их проезде через Фракию... Афинские послы взяли схваченных лакедемонян и привезли в Афины. Из опасения, как бы Аристей, оставшись в живых, не причинил им еще больше вреда (Аристей, как полагали афиняне, уже раньше доставил им своими происками много хлопот в Потидее и на фракийском побережье), афиняне распорядились по прибытии в Афины казнить пленников в тот же день без суда, даже не выслушав их, и тела бросить в пропасть».

Именно по сообщению Фукидида, кстати говоря, событие и может быть датировано, поскольку Геродот говорит только, что оно «произошло много лет спустя после похода Ксеркса»⁵⁰. Здесь мы имеем редкий случай, когда два разных античных историка совершенно независимо друг от друга рассказали об одном и том же факте. Такие случаи особенно ценны, поскольку дают твердую уверенность, что описанный эпизод действительно имел место. Рассмотрение обоих свидетельств в совокупности позволяет сделать ряд интересных наблюдений.

Как видим, у Адиманта был сын Аристей, который, судя по всему, унаследовал от отца положение самого влиятельного лидера своего полиса. Внешнеполитическая деятельность Аристея имела подчеркнута антиафинский характер. В другом месте (I. 60–65) Фукидид повествует о том, как этот полководец возглавлял коринфский отряд, посланный в 432 г. до н.э. на помощь восставшей против Афин Потидеи. Его действия, однако, оказались безуспешными: Аристею не удалось воспрепятствовать афинянам установить блокаду Потидеи. После этого «...в Пелопоннесе он вел тайные переговоры, всячески стараясь получить помощь» (Thuc. I. 65. 2). Сразу затем у Фукидида следует рассказ о конгрессе Пелопоннесского союза, на котором коринфяне приложили все усилия, чтобы убедить Спарту начать войну против афинян. Не приходится сомневаться в том, что в составе коринфского посольства Аристей был одним из главных действующих лиц.

Афиняне рассматривали его как одного из главных своих врагов, и, стоило только им заполучить его в свои руки, как он был немедленно казнен, без соблюдения каких бы то ни было юридических формальностей. Не приходится удивляться тому, что непримиримая враждебность к этому коринфянину была

⁵⁰ Геродот упоминает Аристея в совсем другом контексте – в связи с «проклятием Талфибия», павшим на две спартанские семьи, члены которых были казнены вместе с коринфянином.

в данный период автоматически перенесена и на его славного отца. Тогда-то, скорее всего, и сложилась в Афинах традиция, однозначно направленная против Адиманта и воспринятая Геродотом.

Кстати, в таком случае получается, что Геродот не только был еще жив в начале Пелопоннесской войны (в этом, собственно, никто не сомневается), но и находился в Афинах, коль скоро он присутствовал при обострении афино-коринфских отношений – обострении, спроецированном в прошлое. В связи со сказанным, может быть, стоит с несколько большим, чем принято, вниманием отнестись к свидетельству одного позднего автора (Marcellin. Vita Thuc. 17), согласно которому галикарнасский историк был похоронен именно в Афинах, в родовой усыпальнице Филаидов. Обычно предпочитают другую версию (представленную, впрочем, у авторов еще более поздних), помещающую могилу Геродота в Фурии (Steph. Byz. s.v. Θούριοι; Suid. s.v. Ἡρόδοτος). Но если даже такую могилу там и показывали, это ведь вполне мог быть кенотаф, возведенный фурийцами позже, чтобы подчеркнуть связь со знаменитым человеком, который участвовал в основании их полиса.

Завершая эмпирическое рассмотрение текстового материала, чтобы перейти затем к некоторым обобщениям, коснемся перед этим еще одного геродотовского пассажа, который чрезвычайно характерен как раз в плане соотношения прошлого с настоящим. Это прямое продолжение уже разбиравшегося выше эпизода, когда коринфянин Сокл убедительной речью срывает поход Пелопоннесского союза на Афины с целью реставрации тирании Гиппия. Сам Гиппий тоже присутствует на конгрессе, и вот что он говорит в ответ: «Как раз коринфянам-то еще больше всех придется желать возвращения Писистратидов. Придет день, и они еще натерпятя от афинян. Так мог говорить Гиппий потому, что никто на свете не знал так точно прорицаний оракулов, как он», – глубокомысленно добавляет историк (Herod. V. 93).

Гиппий действительно имел в Афинах и во всей Греции репутацию непревзойденного знатока пророчеств; в свое правление он хранил на Акрополе целую их коллекцию. В результате опальный тиран оказался для Геродота (точнее, подчеркнем в очередной раз, для его информаторов) чрезвычайно удачной фигурой, которой можно было приписать фигурирующее здесь типичное *vaticinium post eventum*. «Задним числом» предсказывается резкое обострение афино-коринфских отношений, достигшее апогея к началу Пелопоннесской войны, причем само предсказание отнесено в эпоху, когда дружбы между двумя полисами еще ничто не омрачало.

А теперь перейдем к развернутым выводам. Нам представляется уместным для большей наглядности обзора формализовать собранные данные в виде таблицы. В ней упоминания Геродота о Коринфе и коринфянах будут сгруппированы по книгам его труда, а также по характеру представленной в этих упоминаниях тенденции (или отсутствию таковой). В заголовках столбцов символом «+» обозначены позитивные суждения, символом «-» негативные, символом «~» нейтральные или неясные по эмоциональной окраске. В таблице вошли все места из «Истории», в которых хоть что-нибудь говорится о Коринфе, в том числе и те, которые не разбирались в тексте нашей статьи. В самой таблице указывается только количество соответствующих мест; расшифровка с конкретными ссылками дается в примечаниях.

№ книги	+	-	~	Итого
I	0	0	4 ⁵⁸	4
II	0	0	1 ⁵⁹	1
III	0	0	2 ⁶⁰	2
IV	0	0	2 ⁶¹	2
V	2 ⁵¹	0	1 ⁶²	3
VI	2 ⁵²	0	1 ⁶³	3
VII	1 ⁵³	0	3 ⁶⁴	4
VIII	1 ⁵⁴	4 ⁵⁶	4 ⁶⁵	9
IX	2 ⁵⁵	2 ⁵⁷	3 ⁶⁶	7
Итого	8	6	21	35

Мы вполне отдаем себе отчет в том, что любая формализация материала (тем более материала содержательного, почерпнутого из научно-художественного произведения, каким является труд Геродота) неизбежно влечет за собой ту или иную степень схематизации, упрощения. Так, единица, принятая за основную в нашей системе отсчета, – «упоминание» – сама по себе весьма вариабельна. Это может быть и коротенькое, мимоходом сделанное замечание, и подробный рассказ, растянувшийся на несколько глав. Далее, мы уже видели, что сами знаки «плюса» и минуса в свидетельствах расставлять нелегко, порой картина неоднозначна. Мы видели, что в нейтральных и даже положительных высказываниях могут встречаться легкие, порой малозаметные отрицательные обертоны.

Учитывая все эти оговорки, следует подчеркнуть, что тем не менее таблица позволяет сделать кое-какие достаточно значимые наблюдения. Во-первых, сразу бросается в глаза, что в целом (если отвлечься от отдельных отклонений) количество «коринфских пассажей» возрастает от начала к концу геродотовского сочинения и достигает наибольшей частоты в двух последних книгах, которые, кстати, не только завершают «Историю», но и являются ее, так сказать, наиболее динамичной частью.

Во-вторых, изменения по ходу труда имеют не только количественный, но и качественный характер. Мы имеем в виду соотношение нейтральных и оценочно окрашенных (в данном случае неважно, с каким знаком) суждений о Ко-

⁵¹ *Herod.* V. 75–76, 92–93.

⁵² *Herod.* VI. 89, 108.

⁵³ *Herod.* VII. 154.

⁵⁴ *Herod.* VIII. 72.

⁵⁵ *Herod.* IX. 31, 105.

⁵⁶ *Herod.* VIII. 5, 21, 59–61, 94.

⁵⁷ *Herod.* IX. 69, 95.

⁵⁸ *Herod.* I. 14, 23–24, 50, 51.

⁵⁹ *Herod.* II. 167.

⁶⁰ *Herod.* III. 48–53, 134.

⁶¹ *Herod.* IV. 162, 180.

⁶² *Herod.* V. 87.

⁶³ *Herod.* VI. 128.

⁶⁴ *Herod.* VII. 137, 195, 202.

⁶⁵ *Herod.* VIII. 1, 43, 45, 79.

⁶⁶ *Herod.* IX. 28, 88, 102.

ринфе. В первой половине труда⁶⁷ встречаются *только* нейтральные. В принципе этого можно было ожидать: главный предмет этой части – дела восточные, а о греческих полисах (тем более материковых) говорится лишь «постолюку, поскольку». Картина кардинально меняется во второй половине сочинения – вплоть до того, что в ней оценочные суждения даже в основном преобладают над нейтральными. Повествование, иными словами, становится более заинтересованным.

Третье наблюдение касается сравнительного удельного веса позитивных и негативных высказываний. Первые получают перевес в книгах V, VI и VII (негативных там вообще нет), вторые – в книге VIII. В книге IX мы, казалось бы, обнаруживаем равновесие, но это как раз тот случай, когда количественный анализ необходимо дополнить содержательным: положительная окраска пассажей IX. 31 и 105 очень неярко выражена, они, в сущности, почти нейтральны.

В целом, опять же, если проследить максимально общую тенденцию, то получается, что по ходу изложения во второй половине «Истории», от ее начала к концу, происходит некоторое убывание «позитива» и несомненное нарастание «негатива» по отношению к Коринфу. При интерпретации этого важного наблюдения уместно, наверное, исходить из той представляющейся вполне резонной посылки, что хронологическая последовательность работы Геродота над своим трудом *примерно* соответствовала последовательности изложения событий в этом труде. Акцентируем слово «примерно», поскольку исключения из данного правила, несомненно, были. Историк, конечно же, со временем обращался к каким-то уже написанным пассажам, изменял их, вносил дополнения⁶⁸. Но к серьезным перекройкам композиции своего труда он вряд ли прибегал. Эта композиция, в основе своей четкая и стройная, имеющая так называемый «фронтонный» характер⁶⁹, видимо, была тщательно продумана автором с самого начала, и в дальнейшем он ей неуклонно следовал.

Можно, таким образом, с полным основанием говорить об эволюции образа Коринфа в геродотовском труде, причем эволюции не в лучшую сторону. В результате создается возможность соотнести сделанные выше наблюдения по поводу «коринфских» пассажей Геродота со шкалой исторических событий и процессов, имевших место в отношениях Афин и Коринфа. Эти отношения были вкратце рассмотрены в начале нашей статьи, и их анализ показал, напомним, что общий вектор имел направление от дружбы и сотрудничества, проявлявшихся в период поздней архаики и на протяжении большей части Греко-персидских войн, к соперничеству и вражде. Первым инициатором обострения напряженности был, похоже, все-таки Коринф (ср. разбиравшийся выше инцидент между Кимоном и Лахартом); оно начало происходить с

⁶⁷ «История» достаточно четко делится на две большие, примерно равные части, разграничение между которыми проходит после главы V. 27. Эти две половины условно (но довольно точно) можно было бы назвать «Предыстория Греко-персидских войн» и «История Греко-персидских войн».

⁶⁸ Вот как, например, распределяются в «Истории» упоминания о событиях первых лет Пелопоннесской войны (т.е., по определению, самые последние внесенные автором штрихи): VI. 91; VII. 137, 233; IX. 73. Они все находятся во второй половине труда (ее, как более политически актуальную, Геродот явно редактировал более интенсивно), но в ее рамках их размещение не имеет никакой видимой системы.

⁶⁹ *Гаспаров*. Ук. соч. С. 483 слл. О пристрастии Геродота к «фронтонным» построениям даже в описании отдельных эпизодов см. наиболее подробно: *Myres J.L. Herodotus Father of History. Oxf., 1953. Passim.*

конца 460-х годов до н.э., приобретая более и более жесткие формы в годы единоличного лидерства Перикла.

Думается, мы не будем слишком далеки от истины, предложив следующее объяснение: дружественные по отношению к Коринфу высказывания, которые в массе своей стоят раньше во всех отношениях – и по хронологии упомянутых в них событий, и по своему месту в «Истории», – очевидно, должны быть и датированы более ранним временем. Вполне возможно, периодом деятельности Кимона, который, напомним, был жив еще на всем протяжении 450-х годов до н.э.⁷⁰ и, несомненно, по-прежнему имел немало сторонников. Неприязненные же суждения о Коринфе должны в таком случае относиться к более позднему этапу работы Геродота над своим трудом, т.е. к 440-м и 430-м годам до н.э. Что касается самого подчеркнуто враждебного коринфянам места в труде – эпизода с трусостью и бегством Адиманта, – весьма вероятно, что он вообще относится к последним годам жизни историка: что это вставка, введенная в уже написанный текст под влиянием антиафинских действий Аристея. Если внимательно всмотреться в это место (Herod. VIII. 94), можно заметить, что смотрится он не очень органично, как бы вторгаясь в ход повествования (речь идет о воинах, которые особенно доблестно проявили себя в Саламинском сражении) и разрывая его.

Предложенное нами объяснение имеющихся противоречий в изображении Коринфа и коринфян Геродотом, конечно, представляет собой гипотезу. В ее пользу могут быть приведены аргументы, но вряд ли возможно доказать ее неопровержимо. Однако, как нам представляется, она все-таки имеет право на существование и, во всяком случае, не противоречит наличным фактам, – скорее напротив, коррелирует с ними.

И еще одно заключительное соображение. Речь следует вести, подчеркнем уже не в первый раз, об изменении образа Коринфа в глазах афинского общественного мнения, а не лично Геродота. Последний вряд ли может быть назван на основе изложенных данных тенденциозным историком. Проявлению односторонней тенденциозности в его труде решительно препятствовала принятая им «диалогичная» установка в повествовании о событиях⁷¹: при рассмотрении спорных вопросов галикарнасец, как правило, считает своим долгом привести различные известные ему версии, – противоречащие друг другу, даже взаимоисключающие⁷², – и предоставляет читателю самому решать, какая из этих версий ближе к истине. Иными словами, автор сознательно стремится стоять на почве объективности.

Мы уже видели, в частности, что, даже рисуя коринфян с положительной стороны, Геродот не обходится без некоторых «шпилек» по их адресу. Справедливо и противоположное: однозначно на антикоринфскую точку зрения «отец истории» не встает. Даже там, где враждебный по отношению к Коринфу накал достигает апогея, – в изложении псевдоисторического мифа о трусости коринфян и Адиманта, – он специально оговаривает, что это именно афинское предание, остальные же эллины думают иначе. Тенденциозный пи-

⁷⁰ В остракизме он находился недолго и был досрочно возвращен уже в 457 г. до н.э. (Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 137, 273–274).

⁷¹ О ней см. *он же*. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 28 слл.

⁷² Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М., 2003. С. 169.

сатель вряд ли сделал бы такую оговорку. Геродот же, как обычно, не высказывает открыто собственного мнения о том, кто прав в данном случае. Он и тут верен своему базовому принципу – λέγειν τὰ λεγόμενα.

A HISTORIAN IN A CHANGING WORLD: EVOLUTION OF THE IMAGE OF CORINTH IN HERODOTUS' HISTORIES

I. E. Surikov

Herodotus was composing his *Histories* for a lengthy period of several decades. During that period the political situation in the Greek world was continually changing, and the changes must have left their mark on the historian's work, especially as the latter obviously contained some pro-Athenian bias, and Athens was in the centre of new trends.

Particularly drastic were new features in the relationships between Athens and Corinth. In the late 6 and early 5 centuries BC the two major cities were often in the state of partnership and co-operation. But their relations had considerably deteriorated since the 450s, and the growing tension eventually led to manifest enmity on the eve of the Peloponnesian War.

The image of Corinth in Herodotus' treatise is very contradictory. Three kinds of judgments on Corinth and Corinthians can be found there, namely: positive, negative and neutral ones. If the latter are scattered throughout the work, the situation with biased judgments is different. They are absent from the first and in the last half of the *Histories*; positive statements prevail in Books V, VI and VII, while the negative ones are concentrated in Books VIII and IX.

Thus, one can ascertain the evolution of Herodotus' views on Corinth: the nearer to the end of the work, the worse the attitude. Strictly speaking, it was not the historian's personal position, but the Athenian public opinion reflected by Herodotus that grew more and more hostile to the Corinthians. The episode in *Histories* where the Corinthians and their leader Adeimantos are represented in the worst possible light (VIII. 94: the flight of Corinthian ships during the Salamis Battle) may well have been written at the latest stage in Herodotus' career, i.e. in the 420s, when Adeimantos' son Aristeas conducted strongly anti-Athenian politics.

Changing narrative by Herodotus' informants appears to coincide and correlate with political developments. Nevertheless, the historian himself tried, as usual, to be as unbiased as he could. Even in VIII. 94, while reporting the strongly anti-Corinthian version coming from Athens, he at the same time honestly mentions that «the rest of Greece» thinks otherwise.